

В. К. Кантор

Ф. А. СТЕПУН,
«МУСАГЕТ»,
Э. К. МЕТНЕР¹

Рассматривается деятельность российского публициста, главного редактора издательства «Мусагет» Э. К. Метнера, а также Ф. А. Степуна – редактора журнала «Логос», а также их роль в распространении влияния современной им немецкой мысли на российскую философию. Э. К. Метнер и издательство «Мусагет» сыграли роль проводника неокантианства в России.

This historical-philosophical essay is dedicated to the Russian publicist, chief editor of the "Musaget" publishing house Emil Metner and to Fyodor Stepun – the chief editor of the "Logos" magazine – and their contribution to the increasing influence of contemporary German thought on Russian philosophy. Emil Medtner and the "Musaget" publishing house championed Neo-Kantianism in Russia.

Ключевые слова: неокантианство, русская философия, немецкая философия, издательство «Мусагет», журнал «Логос».

Key words: Neo-Kantianism, Russian philosophy, German philosophy, "Musaget" publishing house, "Logos" magazine.

Явление, судьба и внутренние противоречия «Мусагета», связанные с именами Метнера, Белого и Степуна, с их русской и немецкой судьбой, – одна из самых сложных и трагических коллизий русской культуры. Были и другие действующие лица этой драмы, но исследователь вправе выбрать свой угол зрения. Ее главный «персонаж» – это Эмилий Карлович Метнер (20 декабря 1872, Москва – 11 июля 1936, Пильниц (Pillnitz) под Дрезденом) – российский публицист, издатель, литературный и музыкальный критик, старший брат композитора Николая Метнера, главный и несменяемый редактор издательства «Мусагет» с 1907 по 1914 г. В этом издательстве выходили книги А. Белого, Эллиса (Л. Л. Кобылинского), С. М. Соловьева и других авторов, а также журнал Ф. Степуна и С. Гессена «Логос».

¹ Индивидуальный исследовательский проект № 09-01-0041 «Подготовка к печати корпуса писем выдающегося русского философа-эмигранта Ф. А. Степуна», выполненный при поддержке программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

По справедливому наблюдению Магнуса Юнггрена — автора лучшей книги о Метнере, последний представлял собой широко распространенный тип бесплодного человека, но отличавшегося от обычных закомплексованных бездарей любовью к талантам. Он сделал себя «подножием» таланту младшего брата — композитора Николая Метнера, уступая ему даже жену. Любовь втроем — довольно распространенный тип отношений среди творческой элиты (Герцен, Огарев, Тучкова; Тургенев и семья Виардо; Маяковский и семейство Бриков), да и в народе тоже. Но все же сексуальное трио братьев с одной женщиной — «достижение» эпохи начала XX в. Второй демон его комплекса творческой бесплодности был русский поэт и прозаик Андрей Белый, чьи «Симфонии» Метнер счел новым словом. «Метнер, ощущая собственное творческое бесплодие... доверялся таланту Белого и приносил себя в жертву ради его гения» [17, с. 15]. Сам Белый не без раздражения вспоминал: «Метнер — общительный и любопытный, вошел очень быстро в круг наших друзей... с большим трудолюбием строил карьеру он брата; как брата, старался поставить меня на увиденный им пьедестал» [2, с. 307].

Но была у Эмилия Метнера и еще одна сверхидея, быть может центральная его идея, оказавшаяся чрезвычайно важной для русской культуры. «Германия, говорил он себе, призвана достичь духовной гегемонии. Россия (синоним темных сил в нем самом) представляет собой незрелую стадию культуры, нуждающуюся в немецкой дисциплине» [19, с. 20]. Об этом написал и Белый, но уже с постреволуционной интонацией, по сути дела оправдывая русский хаос: «В словах о Москве, стреляющей-де ракетой из хаоса, прозвучала старинная тема его раздвоенья: как будто в одном отношении мы впереди; а в другом — мы — отчаянная бескультурница, взывающая к распадке ее томами немецких исследований; надо-де выстроить башню из них; и на башню ракету поднять: пусть себе фонарем освещает проспекты культуры; проповедовал Метнер гелертерство, но не с гелертерским, а с романтическим пылом» [2, с. 305]. И все же ради Белого и ради пропаганды немецкого духа он на деньги Хедвиг Фридрих¹, дрезденской немки с еврейской кровью, Метнер создает в 1909 г. издательство «Мусагет». Книжки не делали еще погоды. Нужен был журнал. Поэтому он не мог не заключить со Степуном и Гессеном договор на издание журнала «Логос». Сохранился сам документ договора, где среди прочего говорилось:

§2. Русская редакция "Логоса" во всех редакционных делах пользуется полной самостоятельностью, будучи связана лишь международным редакционным комитетом. Она состоит из следующих лиц: С.И. Гессена (СПб.), Ф.А. Степуна (Москва) и Э.К. Метнера (Москва). Каждый из названных лиц равно пользуется всеми правами члена русской редакции. Рукописи принимаются по единогласному решению редакции. В случае разногласия между членами русской редакции (как по вопросу о принятии рукописей, так и по другим редакторским делам) спор согласно статутам международного редакционного комитета решается этим последним большинством голосов. Из трех названных членов русской редакции Э.К. Метнер, кооптированный в члены ее лишь русской редакцией, не является впредь до кооптации его все-

¹ Стоит привести комментарий А.В. Лаврова к мемуарам А. Белого: «Ориентация "Мусагета" на германскую культуру была помимо идейно-эстетических симпатий Э. Метнера неперемнным условием, выдвинутым Ядвигой Фридрих, финансировавшей издательство» [2, с. 539].

ми членами международного комитета членом последнего. Вопрос о кооптации его в члены международного комитета должен быть решен при ближайшей к тому возможности на основании личного знакомства его со всеми членами названного комитета [8, с. 268–269].

Молодые издатели вполне понимали значимость для тогдашней российской философии немецкой современной мысли. Они, по сути дела, были проводниками неокантианства в Россию. Не говорю уж о том, что само название «Логос» было подсказано юным гейдельбергским студентам двумя немецкими профессорами — Г. Риккертом и В. Виндельбантом. В передовой статье «Логоса» 1910 г. (авторы Ф. Степун и С. Гессен) говорилось, что немецкая философия играет в Новое время ту роль, какую играла греческая философия в Античности. Цитирую: «Мы по-прежнему, желая быть философами, должны быть западниками. Мы должны признать, что как бы значительны и интересны ни были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимущественно немецкая» [15, с. 798]. Не случайно, Канта не раз по значимости сравнивали с Платоном. Классическая немецкая философия продуцировала идеи и методы по всему миру. Продолжу цитирование: «Это доказывает не столько сама современная немецкая философия, сколько тот несомненный факт, что все современные оригинальные и значительные явления философской мысли других народов носят на себе явный отпечаток влияния немецкого идеализма; и обратно, все попытки философского творчества, игнорирующие это наследство, вряд ли могут быть признаны безусловно значительными и действительно плодотворными. А потому, лишь усвоив это наследство, сможем и мы уверенно пойти дальше» [Там же].

Сотрудники «Логоса» были кто угодно, но не националисты.

Философствуя «от молодых ногтей», мы были твердо намерены постричь волосы и ногти московским неославянофилам. Не скажу, чтобы мы были во всем не правы, но уж очень самоуверенно принялись мы за реформирование стиля русской философии.

Войдя в «Мусагет», мы почувствовали себя дома и с радостью принялись за работу. С «Мусагетом» нас объединяло стремление духовно срастить русскую культуру с западной и подвести под интуицию и откровение русского творчества солидный, профессионально-технический фундамент.

Основной вопрос «Пути» был «как веруеши?», основной вопрос «Мусагета» — «владеешь ли ты своим мастерством?» В противоположность Бердяеву, презиравшему технику современного философствования и не желавшему ставить «ремесло в подножие искусства», Белый, несмотря на свой интуитивизм, со страстью занимался техническими вопросами метрики, ритмики, поэтики и эстетики. Это, естественно, сближало его с нами — гносеологами, методологами и критицистами. К тому же Белый и сам ко времени нашего сближения с «Мусагетом» увлекался неокантианством, окапывался в нем как в недоступной философскому дилетантизму траншее, кичился им как признаком своего серьезного отношения к науке, чувствуя в этой серьезности связь с отцом, настоящим ученым, философом-математиком [14, с. 218–219].

Как водится, дружба по принципу «против кого дружим» ничем хорошим не заканчивалась. «Мусагет» и «Логос» были проводниками немецкой культуры, противниками неославянофильства начала XX в. Но если Степун и его соиздатели по журналу опирались на идеи неокантианства, то Метнер и Белый, поначалу соблазненные на новую немецкую философию,

фию, как выяснилось далее, находили в Германии другие тенденции: каждая культура богата и разнообразна. Не помогло даже обращение Метнера к Гёте как центру германского духа. Гораздо больше он склонялся к немецкому национализму, что впоследствии привело его в стан нацистов, а Белого — к большевикам. Пока же произошел сравнительно культурный развод издательства и журнала.

«Мир и любовь между “Мусагетом” и редакцией “Логоса”, — вспоминал Степун, — длилась, однако, недолго. В третьем томе своих воспоминаний Белый сам рассказал о том, как, охладев к Канту и неокантианству, он при поддержке Блока настоял на том, чтобы Метнер не возобновлял с нами контракта. К счастью, нам удалось сразу же устроить журнал в известном петербургском издательстве М. О. Вольфа» [14, с. 218—219]. Похоже, Белый и впрямь сыграл роль «черного человека» во взаимоотношениях гейдельбергских мальчишек с издательством. Совсем не остывшая неприязнь звучит в его мемуарах: Метнер «прицеплял "последышей" Зиммелей в виде трючки "настоящих" философов: Федора Степуна, Яковенко и Гессена; "настоящее" первого выявилось в карикатурнейшем комиссарстве на фронте (при Керенском)» [Там же].

Как писал М. Безродный, в ноябре 1909 г. Метнер заключил с редакторами «Логоса» С. И. Гессеном и Ф. А. Степуном договор, по которому «Мусагет» брал на себя выпуск со следующего года русской версии журнала. Это отвечало претензиям «Мусагета» на респектабельность: в «Логосе» объявлялось о ближайшем участии видных русских ученых. За четыре года партнерства «Логоса» с «Мусагетом» свет увидели девять номеров журнала со статьями 18 российских и 19 зарубежных авторов, в том числе В. Виндельбанда, Н. Гартмана, Э. Гуссерля, Б. Кроче, Г. Зиммеля, Г. Риккерта и К. Фосслера. Цена привлечения «профессоров» оказалась тою же, что и при переговорах с «веховцами»: Метнеру, кооптированному в члены русской редакции журнала, сразу дали понять, что в его идейном руководстве не нуждаются. (Вопреки надеждам Метнера сближение «Мусагета» с «Логосом» не принесло международной известности Белому как теоретику искусства: его участие в журнале профессиональных философов оказалось эпизодическим.) Влияние Степуна на издательство и околоиздательскую молодежь нельзя было не заметить. Даже ревновавший к нему Белый вспоминал: «Уже к осени 1910 года около Степуна, явившегося в "Мусагет", строилась философская молодежь; он завел в редакции свой семинарий, среди студентов его объявился Борис Леонидович Пастернак, чья поэзия — вклад в нашу лирику» [2, с. 342].

Белый в своих мемуарах без конца упрекает Метнера в том, что последний не давал ему воли и простора, называя его стремления «хаосом». Но даже из этих мемуаров видно, что Белый очень долго ощущал себя хозяином в «Мусагете»:

«Мусагет» только что обосновался в квартире: три комнаты с ванной, кухней и комнатушкой для служителя Дмитрия; меблировка была со вкусом; редакция выглядела игрушечной; в комнатку с овальной стеной был заказан овальный диван, перед которым стоял круглый стол; ковер, мебель, драпировки приятного синего цвета на теплом, оранжевом фоне (обои); затворив двери в приемную (белые обои, книжные полки, два столика: для секретаря и корректора) и спустившись портьеру, оказывались в диванной, куда не проникал шум; каждый день здесь сидела компания (Шпет или Ра-

чинский, или Борис Садовский, или Эллис, Машковцев и другие); здесь с шести до восьми принимал по делам «Мусагета»; сколько здесь протекло разговоров — с Ивановым, Минцловой, Блоком, Тургеневыми, Степуном, Шпетом; комната стала моим домашним салоном [2, с. 349–350].

Сотрудники «Логоса» не учитывали важной составляющей в мировоззрении Метнера (да и не очень обращали на это внимание). Речь идет о его совершенно яростном антисемитизме¹. Сошлюсь снова на книгу Юнгтрена:

Позднее Метнер настаивал, что расовый вопрос занимал его «с детства». Антисемитизм, развившийся в нем в Нижнем Новгороде, имел идеологические корни в традиции русской консервативной мысли, приверженцем которой он был. Он вырос в атмосфере активной политики государственного антисемитизма, проводившейся в восьмидесятых и девяностых годах. И тогда, в 1903 г., эта политика принесла свои плоды в виде жестоких погромов, петербургский журнал напечатал предварительную версию «Протоколов сионских мудрецов» — фальшивки, претендующей на раскрытие деталей мифического международного еврейского заговора, организованного с целью установления господства над миром. Чтение немецких авторов укрепило его расизм: антисемитские выпады имелись в особенности у Вагнера, в поздних полемических статьях которого ненависть к евреям является неотъемлемой частью идеи германского ренессанса. В то время у Метнера, по-видимому, появилась тенденция проецировать на евреев свои собственные инстинкты, перенося на них скрытые агрессивные и либидонозные импульсы. <...> Антисемитизм Вагнера также отчасти объяснялся подозрением о собственных еврейских корнях [19, с. 21].

Комплексов хватало и у Э.К. Метнера. Все его любовные истории так или иначе были странным образом связаны с евреями, своеобразный мазохистский комплекс. Его национализм и расизм, как справедливо показал М. Безродный, ясны из его изданий:

Из книг, выпущенных «Мусагетом», эту линию манифестировали две: перевод «*Arische Weltanschauung*» Чемберлена и сборник статей Метнера «Модернизм и музыка», в котором, в частности, проводилась мысль о том, что евреи вносят в арийскую музыку чуждый ей экзотизм, а в музыкальную жизнь — дух коммерции. Искусственно к этим публикациям подтягивались переводы «*Wedanta und Platonismus im Lichte der Kantischen Philosophie*» Дейссена и «*Nibelungen*» Вагнера: первое сочинение анонсировалось как «введение в мирозерцание индоарийцев», а издание второго дало повод Метнеру сообщить в предисловии о признании современной этнографией факта «ближайшего расового родства между *чистыми* „германцами“ и *чистыми* „славянами“» и заявить о своем пристрастии к «саксонскому (т.е. типичному славо-германскому) искусству». Пропаганда Метнером его расовых симпатий воспринимается «мусагетцами» как органическая часть его апологии старой немецкой культуры: «Ваше кантианство, гётеанство, абсолютная ненависть к соврем[енной] германской музыке, — пишет ему Эллис, — плоды глубокого, светлого и выстрадавшего фанатизма. Вспомните Ваш вопль на даче по поводу китайцев: «Целые расы надо загонять в море, истреблять!» [1, с. 157–198].

¹ Позднее в письме к Юнгу он пытался объяснить свой антисемитизм по Фрейдю — страхом кастрации. Но, конечно, много большую роль играли тут социокультурные причины.

Белый также поддался влиянию антисемитизма. В своей известной статье «Штемпелеванная культура» он прямо писал об извращении евреями арийской культуры, к которой он относил и русскую:

Бесспорна отзывчивость евреев к вопросам искусства; но равно беспочвенные во всех областях национального арийского искусства (русского, французского, немецкого) евреи не могут быть тесно прикреплены к одной области; естественно, что они равно интересуются всем; но интерес этот не может быть интересом подлинного понимания задач данной национальной культуры, а есть показатель инстинктивного стремления к переработке, к национализации (юдаизации) этих культур (а следовательно, к духовному порабощению арийцев); и вот процесс этого инстинктивного и вполне законного поглощения евреями чужих культур (приложением своего штемпе-ля) преподносится нам как некоторое стремление к интернациональному искусству [3, с. 339]¹.

Но и в прозе у Белого (например, в «Петербурге») ведется разговор о «сеμιто-монгольской» опасности. Это странное соединение соловьевской монголофобии и метнеровского антисемитизма привело к расколу. «Логос», соловьевский и юдофильский, был изгнан из «Мусагета» с помощью Белого.

По поводу романа Белого Бердяев писал, что его стиль «не выдержан, окончание случайное, внутренне необязательное» [4, с. 316–317]. Но так ли это? Контекст идейной борьбы тех лет, столкновение неокантианца Ф. Степуна и поклонника Г. Сковороды В. Эрн, *развод* «Логоса» и «Мусагета» позволяют увидеть законную логику концовки знаменитого романа. В конце романа «Петербург» (1913–1914), написанного в момент расхождения «Логоса» и «Мусагета», главный герой и мечтательный отцеубийца Николай Аполлонович Аблеухов, отказавшись от идеи отцеубийства, перестал читать Канта² («А Кант? Кант забыт»), опростился, «жил одиноко; никого-то не звал, ни у кого не бывал, видели его в церкви; в последнее время читал он философа Сковороду». Эрн — автор трактата о Г. С. Сковороде — писал, что философия Канта вела к небытию: «Меонизм принципиально и окончательно закрепляется в трансцендентализме Канта» [16, с. 78]. Далее он вообще выводил из Канта немецкий милитаризм (в статье «От Канта к Крупну»): «Внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же само-го германского духа в орудиях Крупна» [17, с. 309].

Увлечшись идеями доктора Штейнера, Белый отходит от неокантианства. Меттнер пишет полемическую книгу, где пытается противопоставить своего Гёте и своего Канта штейнерианству. Поддержал его Эллис. В неопубликованной при жизни рецензии на его книгу «Размышления о Гёте.

¹ Надо сказать, восприятие евреев как некоей международной силы вполне было свойственно народному сознанию. В платоновском романе «Чевенгур» сторожевые мужики спрашивают двух революционеров-коммунистов — Копенкина и Дванова, кто они такие. «Мы — международные!» — припомнил Копенкин звание Розы Люксембург: международная революционерка». На это следует другой вопрос: «Евреи, што ль?» — На что — не менее характерный ответ: «Копенкин хладнокровно обнажил саблю <...> "Я тебя кончу на месте за такое слово"». В каком-то смысле это ответ Платонова.

² Напомню, что, по мысли Голосовкера, именно Кант является реальным отцеубийцей в «Братьях Карамазовых».

Книга I: Разбор взглядов Рудольфа Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма» (которая, однако, был автору известна) он писал о Метнере: «Он обладает даром не только говорить о Гёте, как лучший среди гётеанцев, и о Канте, как лучший среди кантианцев, но также, что бесконечно ценнее, говорить о Гёте, оставаясь совершенным кантианцем, и о Канте, не изменяя ни в чем самым заветным заповедям гётеанства» [18, с. 325].

Белый возражал Метнеру, но еще несколько лет оставался адептом Штейнера. Связи с Германией у него не прерываются, но меняют адрес.

Существенно также отметить, что в 1914 г. Метнер уехал в Германию, по сути прекратив руководство издательством: «...уезжая из России, Метнер оставил новому секретарю "Мусагета" В.В. Пашуканису доверенность на управление делами издательства» [8, с. 272]. Метнер в Россию больше не вернулся. В Германии Метнер, пройдя много искушений (Штейнера, Юнга), пришел к культу Гитлера, в 1936 г., переживая западную критику гитлеровской политики, «видел себя и Гитлера — двух Вотанов, загнанных на край смерти враждебными им жизненными условиями» [19, с. 191]. Любопытно, что в результате Метнер все же принимает швейцарское гражданство. Трудно говорить о причине, но все же нельзя забывать, что Швейцария была нейтральной страной. Этот его шаг вызывает соответствующую язвительную реакцию Белого: «...Германо-русские фантазии Метнера были разбиты войной; и он стал обитателем ему чуждой Швейцарии» [2, с. 307].

По справедливому соображению Н. Плотникова, «трагедия "Логоса" и вместе с тем величие его замысла сказались в том, что его создатели в России и Германии — Ф.А. Степун, С.И. Гессен, Б.В. Яковенко, Р. Кронер, Г. Мелис — выступили со своим проектом "вечного мира" в философии накануне того часа, когда Европа сорвалась в пропасть межнациональной бойни, заставив редакторов в буквальном смысле слова воевать друг против друга» [7, с. 618—619]. Не менее существенно то, что идея Логоса была идеей наднационального журнала по культуре. Для Степуна немецкая культура равна древнегреческой, стало быть, несет в себе наднациональные и общечеловеческие начала. Но время было другое. Националистические тенденции в Германии победили общечеловеческие. Национализм заразил и русскую мысль. От Метнера, как я уже упоминал, Белый перенял антисемитизм. Про расовые законы нацизма, которые объявляли русских недочеловеками, категорически отказывая им в арийском родстве, еще никто не подозревал. Резкого разрыва тогда у Степуна с Метнером и Белым очевидно не было, Сапов, скорее всего, в этом прав. Расхождение было внутренним. Истинный немец Степун никогда не был националистом. Для Метнера Гитлер стал реинкарнацией Вотана, для Степуна — врагом христианства (как и большевизм). Белый принял большевизм и сталинизм, даже собирался писать в 1933 г. статью «Социалистический реализм» [10, с. 436]. Уже вне России Метнер написал новую работу о Белом: симпатии его оставались те же, но состояние духа явно шло к катастрофе. В письме к Г. К. Юнгу (от 15.11.1917 г.) он увязывает все свои переживания в один узел, но собственный его самоанализ печален: «Неприятная сцена с Рахилью произошла у меня не до, а после приступа. Тогда мне пришлось прервать работу над книгой о Белом, потому что я почувствовал себя совершенно измученным. <...> Я действительно сделался духовным инвалидом. Потому

что все мои мысли исчезли, а умений у меня никаких нет. <...> По-видимому, я иду к идиотизму»¹. Метнеру нужен был поводырь, и он нашел его в Гитлере.

Позиция Степуна — позиция трезвого и разумного человека. Последователь В. С. Соловьева он не мог не принимать его максиму, что христианство есть «торжество разума в мире» [9, с. 37]. Степун слишком хорошо видел, как Германия иным путем, но скатывается туда же, куда уже скатилась Россия, по его выражению, «в преисподнюю небытия». В 1931 г. он писал своему другу Густаву Кульману²: «При помощи теории Ницше и Бахофена, теории мифа и органического мышления, насаждается среди немецких народных учителей такой тупоумный шовинизм, что становится прямо-таки страшно за судьбу Германии и человечества. Насаждается сознательное, натуралистическое язычество, метафизическое мышление принудительно отделяется от этического, государство изображается как мистерия крови, история преподносится в мифически-патриотическом порядке. <...> Такая помесь Ницше и Илловайского, мифа и провинциальной оперы, что прямо-таки дышать нечем. И это все забивается в головы народных учителей в порядке принудительного слушания философских курсов. Решительно иной раз кажется, что Германии при всех ее великих дарах не дано дара политической мысли» [20].

Степун стал для русской эмиграции признанным *консультантом по Германии*. В «Современных записках» и «Новом Граде» он написал несколько статей, специально посвященных немецким проблемам [11–13], не считая постоянных и привычных для него сопоставлений немецкой и российской мысли. Проблемы Германии не могли не волновать изгнанную из своей страны русскую интеллигенцию. Слишком много общего с большевизмом находили эмигранты в поднимавшемся национал-социализме. Россия и Германия слишком тесно сплелись в этих двух революциях — от поддержки Германией большевиков до поддержки нацистов Сталиным. Степун заметил, что и сами нацисты видят эту близость. Он фиксирует идеи Геббельса о том, что «Советская Россия самую судьбою намечена в союзницы Германии в ее страстной борьбе с дьявольским смрадом разлагающегося Запада. Кратчайший путь национал-социализма в царство свободы ведет через Советскую Россию, в которой "еврейское учение Карла Маркса" уже давно принесено в жертву красному империализму, новой форме исконного русского "панславизма"» [15, с. 890].

По свидетельству В. Ф. Эрна, «в апреле, как бы прощаясь, Метнер посетил в Лондоне Николая и Анну [брата и бывшую жену]. В июне он последовал совету своего врача и отправился в Богемию на воды в Теплиц-Шё-

¹ Письма Метнера к Юнгу [19, с. 232].

² Густав Густавович Кульман (1896–1961), швейцарец, родился в Голландии, учился в Йельском университете. Юрист по профессии, поклонник русской культуры, он встречал русских философов, высланных «на философском пароходе», помогал им в трудоустройстве, один из создателей и соредкторов (вместе с Бердяевым) журнала «Путь», работал в «Имка-пресс», а с 1931 г. — в международных организациях по интеллектуальному сотрудничеству. С 1938 г. — заместитель верховного комиссара по делам беженцев при Лиге Наций, потом при ООН, занимался делами перемещенных лиц (DP), помогал еврейским беженцам, его именем назван один из кибуцев в Израиле. С 20-х гг. XX в. его другом стал Степун.

нау, которые некогда посещали Гёте и Вагнер. Проведя там несколько недель, он поехал в Пильниц, где в начале июля серьезно заболел; болезнь сопровождалась острыми приступами головокружения. Его поместили в местную психиатрическую клинику. Судя по всему, постоянно угрожавшее ему раздвоение психики теперь и впрямь наступило его. В состоянии полного регресса, бессвязно говоря исключительно о прошлом и будучи явно не в состоянии воспринимать настоящее, он умер ранним утром 11 июля 1936 г.» [16, с. 191]. Казалось бы, пути Степуна и Метнера разошлись окончательно. Но судьба играет странные шутки. Сапов приводит важный факт о том, кто проводил Метнера в последний путь. Он пишет: «Со Степуном у них общих дел, по-видимому, не было, но они навсегда сохранили теплые, дружеские чувства друг к другу». О присутствии Степуна и его жены при кончине Метнера (в Дрездене, в клинике для нервных больных в ночь с 10 на 11 июля 1936 г.) известно из письма его брата, композитора Н. К. Метнера. "Присутствие русских друзей, близких не только по культуре, но и по духу, было счастьем, последним счастьем для него"» [8, с. 272]. И это как бы обозначает результат жизни Метнера — то к чему лежало его сердце, то место, где «оставил он больше следов». Поэтому я бы не согласился с исследователем, что влияние Метнера было больше в Германии: «Судьба Метнера заключалась в том, чтобы быть "использованным" двумя величайшими и деятельнейшими представителями европейской культуры двадцатого столетия (Белый и Юнг. — В. К.), в равной мере ставших сегодня объектами неослабевающего международного интереса. Его посредничество демонстрирует глубокое схождение между двумя этими людьми, каждый из которых на свой собственный лад и своими собственными средствами осветил кризис сознания современного человека. Парадокс же заключается в том, что Метнер, стремившийся вдохнуть в Россию немецкий дух, в конечном итоге внес нечто специфически русское в немецкую культуру» [19, с. 193]. Именно русские люди хранили о нем память. Не случайно говорят, что тот, кто примет твой последний вздох, и есть близкий тебе человек.

Есть письмо, сохранившее рассказ Степуна о смерти Метнера, вносящее некие фактически важные уточнения. Например, реальная причина смерти — не психическое заболевание (что не исключается в принципе), а воспаление легких. Письмо написано старым друзьям русского философа, немца по происхождению, но уже терявшего свое место в меняющейся Германии, где правил новый Вотан, так любимый Метнером, — Адольф Гитлер.

Dresden 21-го июля 1936 г.

Дорогие Мария Михайловна и Густав Густавович,
вы, вероятно, удивляетесь, что мы до сих пор еще не ответили на вашу открытку. Но мы до самого последнего времени не знали, сможем ли воспользоваться вашим радушным приглашением. Нет слов, оно было бы гораздо приличнее сразу же от души поблагодарить вас, а потом уже по выяснении всех обстоятельств отвечать по существу. Но до приличной жизни, к которой мы и сами стремимся, нам, очевидно, не дойти, уж очень у нас всего много.

Сейчас выяснилось, если не случится каких-нибудь неожиданных затруднений, что мы сможем в самом начале августа выехать к вам, чему мы бесконечно рады и за что от души благодарим вас.

Кроме всяких формальных трудностей и денежного вопроса (лишь на днях выяснилось, что правительство отпускает деньги на Швейцарию), случилось тут у нас еще одно задерживающее обстоятельство. Приехавший из

Теплица к своим старым дрезденским друзьям¹ Эмилий Карлович Метнер² слег с тяжелым воспалением легких в больницу. Кроме нас (его друзья — две беспомощные, больные женщины) у него здесь никого не было. Покинуть его больным было бы совершенно невозможно. В прошлую среду мы его похоронили. Так поистине трагически освободила нас судьба для Швейцарии. Я не знаю, знали ли вы Эмилия Карловича, но для меня с ним связана, быть может, самая лучшая и светлая эпоха моей жизни: Москва, символизм, Логос, Мусагет, одним словом, все то, что было разрушено войной и похоронено революцией. Думаю, что нам удастся выехать отсюда 4-го, самое позднее 5-го августа. Был бы очень рад, если бы наше свидание осуществилось в том полном объеме, о котором вы пишете. Особенно хочется мне поговорить с Борисом Петровичем³. Мы тут страшно отрезаны от эмигрантской России, и поэтому мне представляется особо важным проверить себя на нем, стоящем в центре всех парижских споров. Хотя вы и пишете, что в августе устройство лекций невозможно, все же сообщаю на всякий случай, что речь может идти только о закрытых лекциях на русском языке, так как для открытых и немецких требуется разрешение целого ряда правительственных инстанций, о котором я не ходатайствовал. Да и вообще, может быть, лучше помолчать⁴.

О дне и часе нашего приезда мы сообщим вам, конечно, заранее. Наташа и я шлем вам самые сердечные приветы. Еще раз большое спасибо.

Ваш Ф. Степун [20].

Судьба играет странные, но многозначительные шутки. Дружба творческой юности оказалась для христианина Степуна важнее идейных расхождений.

Список литературы

1. *Бездольный М.* Из истории русского германофильства: издательство «Мусагет» // Исследования по истории русской мысли: ежегодник за 1999 год. М., 1999.
2. *Белый А.* Между двух революций. М., 1990.
3. *Его же.* Штемцелеванная культура // Империя и нация в русской мысли начала XX века. М., 2004.
4. *Бердяев Н. А.* Астральный роман. (Размышления по поводу романа А. Белого «Петербург») // *Бердяев Н. А.* О русских классиках. М., 1993.
5. *Постолутенко К. Ю.* Метнер Э. К.: мегаморфозы национальной идентификации // Блоковский сборник XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Тарту, 1996. С. 165–169.
6. *Его же.* «Душа и маска "Мусагета" (к истории имперского сознания в России) // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997. С. 232–246.
7. *Плотников Н.* Репринтное переиздание журнала "Логос" (1910–1914, 1925) // Исследования по истории русской мысли: ежегодник-2004/2005. М., 2007.
8. *Сатов В. В.* Журнал «Логос» — прерванный на полуслове диалог // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63, № 3.

¹ Речь, видимо, идет о подруге Э. К. Метнера, помогавшей ему деньгами в создании «Мусагета», — Хедвиг (Ядви́ге) Фридрих.

² Об Э. К. Метнере см. также работы [5, с. 165–169]; [6, с. 232–246].

³ Вышеславцев Борис Петрович (1877–1954). В 1922 г. вместе с другими русскими деятелями культуры был выслан за границу. В 30-х гг. XX в. Вышеславцев сначала совместно с Э. К. Метнером, а после его смерти в 1936 г. один осуществил 4-томное издание трудов Юнга на русском языке.

⁴ Этого он сделать уже не смог, так как в 1937 г. был изгнан нацистами из университета.

9. Соловьев В. С. Христос воскрес! Пасхальные письма // Собр. соч.: в 10 т. СПб., б. г. Т. 10.
10. Спивак М. Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006.
11. Степун Ф. А. Германия // Современные записки. 1930. Кн. 42.
12. Его же. Письмо из Германии. Формы немецкого советофильства // Там же. Кн. 44.
13. Его же. Письмо из Германии. (Национал-социалисты) // Там же. 1931. Кн. 45.
14. Его же. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000.
15. Его же. Соч. М., 2000.
16. Эрн В. Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Соч. М., 1991.
17. Его же. От Канта к Крупну // Там же.
18. Элиас. Теософия перед судом культуры (Размышления по поводу «Размышлений о Гёте» Эм. Метнера) // Элиас. Неизданное и несобранное. Томск, 2000.
19. Юнггерн М. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001.
20. Stepin Fedor Avgustovich to Maria and Gustave Kullmann / Columbia University Libraries. Bakhmeteff Archive. Mrs Coll Zernov. Box 9.

Об авторе

Кантор Владимир Карлович — д-р филос. наук, проф. философского факультета Государственного университета — Высшей школы экономики, член редколлегии журнала «Вопросы философии» и редсовета журнала «Вестник Европы XXI век», писатель и литературовед, член Союза российских писателей, Wlkantor@mtu-net.ru

About the Author

Prof. Vladimir Kantor, State University — Higher School of Economics, member of the editorial boards of the "Voprosy Filosofii" and the "Vestnik Evropy XXI vek" journals, writer and literary critic, member of the Union of Russian writers, Wlkantor@mtu-net.ru

К. Ю. Миронова

ГАВРИИЛ ОСИПОВИЧ
ГОРДОН
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СВОИХ ДЕТЕЙ

Рассматриваются судьба и творчество русского неокантианца Гавриила Гордона на основе архивных материалов и воспоминаний его детей, позволяющих восстановить отдельные эпизоды его творческой деятельности.

The article is dedicated to the life and work of the Russian Neo-Kantianist Gavrili Gordon. The author addresses archive material and the memoirs of Gavrili Gordon's children, which allow reconstructing certain episodes of his creative work.

Ключевые слова: Гордон, неокантианство, культура, история философии, образование, воспоминания.

Key words: Gordon, Neo-Kantianism, culture, history of philosophy, education, memoirs.

В истории русской философии много незаслуженно забытых имен. К числу таковых относятся и некоторые ученики марбургской и баденской школ неокантианства, впоследствии составившие славу русской школы неокантианства. Одним из учеников Германа Когена и Пауля Наторпа был Гавриил Гордон – выпускник Московского и Марбургского университетов, личность незаурядная и, безусловно, достойная внимания исследователей. Гордон оставил богатое наследие – работы по философии (к сожалению, ныне утраченные), теории музыки, публицистические статьи, педагогические труды и воспоминания. На сегодняшний день большая часть биографических материалов, неопубликованные и неисследованные документы, машинопись неоконченных воспоминаний под названием «Повесть о моей жизни» хранятся в архиве Московского государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Гавриил Гордон представляет интерес не только как видный ученик марбургской философской школы. В творческом содружестве с Б. А. Фохтом Гордон занимался переводом работы Иоганна Шульца, считавшегося самим Кан-